

софських систем – і у Декарта, і у Бэкона, і у Коменського – це недоверие к авторитетам і стремление увидеть вещи такими, какие они есть на самом деле, а не такими, какими принято их видеть. Вместе с тем, в этот период существовал значительный разрыв между людьми высокого интеллектуального і образовательного уровня і простым народом. Европейские интеллектуалы раннего Нового времени еще с начала эпохи Возрождения стремились объединиться в сообщество, которое назвали «Республикой учености». Эразм Роттердамский, благодаря которому этот термин получил распространение, выдвигал особые требования к «гражданину» «Республики». Человек, претендующий на принадлежность к ученому сообществу, должен быть не только эрудированным і широкообразованным, но также воспитанным і культурным. Таким образом, образ «гражданина» «Республики учености» больше соответствует современному понятию «интеллигент», чем «интеллектуал».

В эпоху расцвета деятельности «Республики учености» – в XVII веке – среди ее «граждан» появляются фигуры «посредников» – распространителей научной информации. Такими посредниками были французы Никола-Клод Фабри де Пейреск і Марен Мерсенн, представители Англии Самуэль Гартлиб і Генри Ольденбург, голландец Константейн Гюйгенс і другие. Все эти люди обладали не только обширными знаниями в самых разных областях, но і общей культурой поведения: обходительностью, внимательностью і т.п. Они отличались терпимостью, были преданы идее распространения знаний і стремились работать на благо всей «Республики учености», руководствуясь своими собственными взглядами на те или иные вопросы. Так, Пейреск і Мерсенн поддерживали опального Галилео Галилея, несмотря на то, что сами являлись служителями католической церкви. Многие из «посредников» в «Республике учености» были людьми скромными, лишеными амбиций. Все они способствовали утверждению культуры диалога, культуры научного общения. Прекрасной иллюстрацией тому является деятельность секретаря Лондонского Королевского Общества Генри Ольденбурга. Он верил в будущее «Новой науки» і активно защищал ее от недоброжелателей, а собрания членов Общества восхищали современников вежливостью, отсутствием пререканий, вниманием к каждому докладчику.

Однако не все интеллигенты XVII века довольствовались только своей деятельностью в рамках научных обществ. Выдающийся чешский педагог і мыслитель Ян Амос Коменский стремился принести «свет» новых знаний всем людям без исключения. Свое предложение по преобразованию жизни всего человечества – «Вселенский совет об исправлении человеческих дел» – он адресует прежде всего интеллигентам своего времени – «ученым, благочестивым, высоким мужам». Вероятно, он при этом представлял себе лучших представителей европейской «Республики учености». Коменский возлагал на интеллигентов огромную ответственность за создание лучшего будущего человечества. К сожалению, его призыв в то время услышан не был, і только в XX веке некоторые из его идей, прежде всего, создание единого мирового пространства, были претворены в жизнь.

БЕССАРАБСЬКЕ ДВОРЯНСТВО І РОЗВИТОК КРЕДИТНО-БАНКІВСЬКОЇ ІНФРАСТРУКТУРИ РЕГІОНУ (кінець XIX – початок XX ст.)

Циганенко Л.Ф.

г. Измаил. Украина

Важливу роль в процесі капіталізації сільського господарства Бессарабії зіграли кредитно-банківські установи. Историчний досвід доводить, що перехід до ринкових відносин неможливий без створення працюючого фінансового ринку. Добре налагоджена фінансова система є важливим чинником формування цивілізованих економічних відносин. Іпотечний кредит об'єктивно прискорював мобілізацію земельної власності, сприяючи концентрації сільськогосподарського виробництва в руках економічно найсильніших дворян.

Державний банк, який було відкрито у 1885 р., офіційно являючись комерційним закладом, значну частину своїх коштів витрачав на потреби дворян: кредити видавалися строком від 48 до 66 років, що призвело до космічних заборгованостей. В середині 90-х рр. бессарабські дворяни отримали 51 млн. крб. сріблом позики під довготерміновий заклад 52 % площі своїх земель. Всього за 1883-1916 рр. бессарабські поміщики в земельних банках отримали кредитів на суму 111 млн. крб. У 1916 р. в Бессарабії з 1.656 тис. дес. приватної землі 1.251 тис. десятин, або 76 %, було закладено в іпотечних банках. Крім іпотечного кредиту, для збільшення своїх оборотних потужностей та розширення виробництва, дворяни Бессарабії користувались виробничими кредитами Державного та акціонерних банків.

Бессарабське дворянство не лише сподівалося на фінансову допомогу з боку держави, а й саме активно проявляло себе в фінансовій сфері південних губерній імперії. Після реформ 60-70-х рр. на Півдні України відбулася певна «засновницька гарячка» - було засновано багато акціонерних банків. В другій половині XIX ст. тільки в Одесі з'явилося більше десяти нових банків і кредитних товариств. Крім Державного банку це: Земельний банк Херсонської губернії (1865 р.), Товариство взаємного кредиту (1868 р.), Одеський комерційний банк (1870 р.), Одеське кредитне товариство домовласників (1872 р.), відділення Московського торговельного банку (1875 р.), Одеський дисконтний банк (1879 р.), Торговельно-промисловий банк (1889 р.), Бессарабсько-Таврійський земельний банк (1872 р.).

Необхідно відзначити, що дворяни у банківській справі масової участі не приймали, обіймаючи в основному керівні посади. Зокрема, у 4 державних банках Одеси ми зустрічаємо дворян у керівній верхівці. Управляючим філією Дворянського земельного банку і водночас управляючим Селянського поземельного

банку служив дійсний статський радник Олексій Порфірієвич Сухотін. Уповноваженим від відділу фінансів в Бессарабсько-Таврійському земельному банку служив дійсний статський радник Костянтин Павлович Кухта, а серед членів правління ми зустрічаємо дійсного статського радника Григорія Федоровича Свіргіюгру. Земський банк Херсонської губернії очолював дійсний статський радник Євген Іванович Еліат. Директорами були дворяни Андрій Іванович Нестеренко та Віктор Іванович Антонович. До наглядової ради входив Петро Васильович Новицький, а очолював її предводитель Херсонського дворянства барон Михайло Олександрович Рено.

Аналіз наведених фактів свідчить, що дворянські роди Бессарабії відігравали важливу роль в соціально-економічному розвитку регіону. Незважаючи на консерватизм основної маси дворянства, частина дворян-підприємців намагалися пристосувати свої господарства до нових ринкових умов. В процесі зростання товарності сільськогосподарської продукції, дворянство краю вводить прогресивну багатопільну систему землекористування, нові технічні культури, сільськогосподарські машини.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЧИНОВНИЧЕСТВО В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX –XX ВЕКОВ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ И (ИЛИ) СОТРУДНИЧЕСТВО

Шатохин И.Т.

г. Белгород. Россия

Рубеж XIX – XX вв. ознаменовался серьезными изменениями в общественно-политической жизни страны, которые в значительной степени коснулись и провинции. К этому времени в губернских и уездных городах европейской России сформировался социально-профессиональный слой, который обладал двумя определяющими составляющими. Эти люди, используя полученные в учебных заведениях и пополняемые самостоятельно знания, профессионально занимались интеллектуальной деятельностью: преподаванием, управлением, лечением, наукой, творчеством. Условно эту составляющую можно назвать образовательно-профессиональной. Кроме того, многие из них обладали рядом существенных нравственных, психолого-поведенческих (можно сказать, ментальных) качеств: стремление к беззаветному служению Отечеству, народу, общественно значимому идеалу (например, «сеять разумное, доброе, вечное»), высокая духовность, культура. Моральная составляющая была второй неотъемлемой частью для людей этого социально-профессионального слоя, который в отечественной истории получил наименование «интеллигенция».

При этом следует отметить, что интеллигенция и провинциальное чиновничество это взаимно пересекающиеся сообщества. Конечно, далеко не все чиновники обладали качествами обоих составляющих, и не все представители интеллигенции находились на государственной службе. Интеллигенты и чинуши, имея разные ценностные установки, противостояли друг другу в своих служебных кабинетах и канцеляриях. Чиновника-интеллигента не всегда понимали и принимали за своего в кругах нечиновной интеллигенции, так как для них он был прежде всего слугой самодержавия, представителем антинародной власти.

Интеллигенция не могла довольствоваться только сферой профессиональной деятельности, хотя и в ней она пыталась и находила иной смысл, кроме строго функционального (лечить, учить наукам, делать открытия, создавать произведения культуры и искусства). Этот смысл в наполнении строго функционального духовным, т.е. подчинение каждодневной профессиональной деятельности высоким и благородным целям и задачам: принести пользу народу, служить ему, не только учить, лечить, но и просвещать, воспитывать, одухотворять. Многие понимали, что им тесно в профессиональной сфере, что, ограничиваясь ею, не достичь «народного счастья». Они объединялись и открывали благотворительные общества, библиотеки, выступали с лекциями, спектаклями, концертами. Часть из них шла дальше – в подпольные революционные организации, стремясь добиться целей сегодня и сейчас, а не складывать годами и десятилетиями по кирпичику дворец «народного счастья», увидеть который может и не получиться до конца дней своих.

Одновременно с интеллигенцией коронные служащие по другой линии были также включены в благотворительную деятельность, вспомнить хотя бы многочисленные учреждения Ведомства Марии Федоровны. Правилем хорошего тона стало курирование губернатором (его женой) различных благотворительных проектов. Хозяин губернии, а вслед за ним по его примеру, многочисленные его подчиненные, служащие губернских и уездных учреждений других ведомств состояли членами различных культурно-просветительских организаций российского и местного масштаба (практически все они имели и благотворительный аспект в своей деятельности), посещали всевозможные благотворительные акции: спектакли, концерты, балы, выставки и т.п.

Власть в лице провинциального чиновничества, неотягощенного интеллигентскими качествами, могла снисходительно относиться к вдохновенной работе учителя или врача, инженера или фельдшера, если они не переходил черты дозволенного законом и традицией.